

МЕТОД ЖЕНЩИНЫ

Читайте захватывающие
детективные мелодрамы

ГАЛИНЫ РОМАНОВОЙ

Расплата за наивность	Осколки ледяной души
Встретимся в другой жизни	Счастье по собственному желанию
Я – его алиби	Любвеобильный джекпот
Девушка с секретом	Длинная тень греха
Блудница поневоле	Личное дело соблазнительницы
Неплохо для покойника	Большие проблемы
Стервами не рождаются!	маленькой блондинки
Дожить до утра	Красотка печального образа
Крестный папа	Ночь с роскошной изменницей
Ничто не вечно под луной	Окно в Париж для двоих
Миллион причин умереть	Лицензия на happy end
Рыжая-бесстыжая	Черная корона
Охотники до чужих денег	Рыцарь чужой мечты
Мужей много не бывает	Демон искушения
Ты у него одна	Грешница в шампанском
Любитель сладких девочек	Принцип Отелло
Игры в личную жизнь	Исполнительница темных желаний
Черт из тихого омута	Жизнь нежна
Обмани меня красиво	Мода на чужих мужей
Старая тайна, новый негодяй	Пока смерть не разлучит нас
Миллионерша поневоле	Завтра не наступит никогда
Внимание: неверный муж!	Пять минут между
В любви брода нет	жизнью и смертью
Последняя ночь с принцем	Любовь окрыляет

Единственная моя	Без вины преступница
С первого взгляда	Пленная птица счастья
Второй подарок судьбы	Ничего личного, кроме боли
Зеленые глаза викинга	Заговор обреченных
Тайна, приносящая смерть	Узнай меня
Цвет мести – алый	Заповедник потерянных душ
Не доставайся никому!	Ангел мщения
Чужая жена – потемки	Первый шаг к пропасти
Возвращаться – плохая примета	Вкус запретного плода
Врачебная тайна	Исповедь обманутой жены
Призрак другой женщины	Свидетельницы зла
Тайну хранит звезда	Королева отшельников
Семь лепестков зла	Игры небожителей
Свидание на небесах	Грех с ароматом полыни
Ведьма отмщения	Кукла-любовь
Программа защиты любовниц	Позови ее по имени
Кинжал в постели	К северу от любви
Гнев влюбленной женщины	Пепел прошлого
Лучший день в году	Без крестной феи
Нирвана для чудовища	Псевдоним украденной жизни
Незнакомка с тысячью лиц	Цена откровения
Последнее прибежище негодяя	Конец игры с продолжением
Счастье с третьей попытки	Шоу семейных секретов
Подвенечный саван	В интересах личного дела
Заключение счастья	Правда персонального формата
Торговка счастьем	Простить нельзя помиловать
Амур с оптической винтовкой	Лабиринт простых сложностей
Мсть Спящей красавицы	Теория вероятного чуда
Демон ревности	Забавы мертвых душ
Преступно счастливая	Преступные игры гения
Изменница поневоле	Тайна за семью печалями
Закон сильной женщины	

ГАЛИНА РОМАНОВА

**ЛЮБВЕОБИЛЬНЫЙ
ДЖЕКПОТ**

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Редактор серии *А. Антонова*

Дизайн обложки *А. Зининой*

Романова, Галина Владимировна.

Р69 Любвеобильный джекпот : роман / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-191030-3

Лия уже давно махнула рукой на свою личную жизнь. Брак не удался. Бывший супруг оставил после себя квартиру, счет в банке и... право в любое время поплакаться ей в жилетку. Всех-то и радостей было у молодой женщины — съездить на дачу и душевно поговорить со стариком Филиппом Ивановичем, что был ей вместо отца родного. Именно «был» — ведь его убили... А в убийстве обвинили беспризорника Сашку, которого Лия даже усыновить собиралась. Не совершал мальчишка такого зла! Просто в лотерее судьбы ему достался несчастливый билетик — и чужая вина упала на его плечи. Но как это доказать?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г.В., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-191030-3

ГЛАВА I

Когда же она все-таки решилась на этот судьбоносный шаг: уйти из инспекции по делам несовершеннолетних?

Дал бы бог памяти... Вот незадача какая, не вспоминалось! Каждый день был наполнен болью и страданием. И вспомнить, когда все это достигло критической отметки, переполнилось, пролилось последней каплей, было невозможно. Или не хотелось...

Лия стояла возле распахнутого окна на своей даче и безо всякого интереса наблюдала, как с глухим стуком шлепается о землю желтобокая антоновка. Шлепнется и тут же отпрыгнет, а потом катится в пожухлую траву. Их много уже было там, в траве — огромных, душистых яблок, десятка три, никак не меньше. Надо бы собрать. Варенье сварить или повидла. Но тут же вставал резонный вопрос: для кого?! Для кого все это варить? Сама не охотница до подобного рода сладостей. Мужа нет, детей тоже. Родственники за сотни километров. Да и глупо было бы рассылать им банки с яблочным повидлом. Всего этого в магазинах в изобилии.

Раньше варила...

Варила и кормила голодных оболтусов, которых вылавливали патрульные по вокзалам, притонам и

подвалам. И яблоки им носила. Намочет целую корзину, выставит на подоконник и скармливает. И пирожки с яблоками пекла. И даже как-то пыталась мармелад сделать. Ничего получилось, похоже. Сменили за два дня.

Урожайными они тогда оказались, эти дни. Человек пятнадцать парни из отдела привели. Один другого краше. Кто босиком, кто в кедах размера на три больше. Оборванные, грязные, голодные. Сначала с ней познакомились, потом под конвоем пошли в приемник-распределитель. Лия следом явилась туда с банками этого мармелада и тремя батонами под мышкой. Наворотила с педагогами бутербродов и не успела на тарелки разложить, как ребятня их тут же с разделочных досок похватила.

Ох, дела твои, господи, тяжкие!

Где же это видано, чтобы свое родное дитя бросить на произвол судьбы?! Отвернуться от протянутых к тебе крохотных рученок?! Отпихнуть, бросить, не откликнуться. Она бы таких родителей...

Ладно, не в ее это силах, да и не в ее полномочиях теперь. Сама так решила. Сама ушла. Сама же потом и страдала, проревев неделю. Но что сделано, то сделано. Теперь она свободна от чужого горя. Оно больше не берedit ей душу. Не щемит сердце, да и по ночам стало чуть лучше спаться. Правда, не всегда...

Живет сейчас в просторной двухкомнатной квартире, с огромной кухней, огромной ванной и просторной прихожей. Имеет солидный счет в банке. Процентов с этого счета ей вполне на жизнь хватает. Может позволить себе и косметический салон, и одежду приличную. Раз в год выезжать куда-нибудь. Не ездит, правда. Не хочется почему-то. Сюда вот, за город все чаще направляется. Садится в машину и едет на свою дачу.

Это ведь единственное, что осталось ее личным и неприкасаемым. Все остальное...

Все остальное досталось при разводе, потому и не любилось так, как этот древний деревянный домишко с десятком стареющих яблонь за ветхим забором. Здесь ей было вольготно и спокойно дышать. Хотя и на голову иногда через худую крышу капало, и в щели задувало, и печь капризничала, начиная вдруг ни с того ни с сего дымить нещадно. Пускай... Зато это все ее, личное...

— Лийка! Дома ты, али где?

По деревянным ступенькам прогремели кирзовые сапоги, и через минуту в переднюю половину дома, что служила кухней и столовой одновременно, ввалился сосед.

— На вот, отцеживай. — Он взгромоздил на ее обеденный стол, накрытый белоснежной скатертью, подойник с парным молоком и с необъяснимой строгостью в голосе спросил: — Хватит тебе двух литров-то, поди? Али три возьмешь?

— Хватит, — успокоила его Лия и погасила улыбку.

За этой показной строгостью скрывался добродушный нрав. Сколько бы ни хмурил сосед брови, сколько бы ни покрикивал, она-то знала, что он милой души человек. И давно и преданно его любила. И простила ему многое.

И густую удушливую пелену махорочного дыма, которым тот занавешивал ее столовую, усевшись в уголке на старенькой деревянной табуретке. Мягкие стулья с высокими спинками сосед намеренно игнорировал. Не считал это хорошей мебелью. А вот табуретку... Табуретку ее любил и ремонтировал, когда та начинала рассыхаться и поскрипывать под ним.

И матерщину отборную Лия ему прощала. Морщилась, похлеще чем от махорочного дыма, но терпеливо сносила.

И даже вот этот подойник, что сосед день за днем водружал на ее скатерть, прощала тоже. Не скажет же она ему, что днище у подойника грязное, потому как на земле только что стояло. И что скатерть она только что постелила...

Ерунда все это. Мелочи даже не житейские, а мелкие бытовые, исправляемые одним взмахом ее руки.

А вот если бы она его обидела когда, разве это исправить?..

— Какие в деревне новости, Филипп Иванович?

Лия сняла с перевернутой банки сухую марлю. Перевернула, набросила на горлышко марлю и стала цедить молоко. Тонкая струя, маслянисто поблескивая, перетекала в банку, вздыбливаясь пышной пеной.

Хорошее было молоко у его коровы. Жирное, сладкое, без посторонних запахов и привкусов. Лия и творог из него делала, и сметану научилась готовить. Это ее уже Филипп Иванович научил, проворчав неделю на предмет ее неумелости.

— Корову-то для кого держу, Лийка?! — кричал он, вспоминая такую-то мать через слово. — Мне, что ли, она нужна? Я-то один, на кой мне! Для вас и держу, для дачников. Тебе вот несу. Потом Скоковым, Малютиным. Ребяенок у них маленький. Дык и то молодуха управляется с молоком-то... А она простоквашу в ведро! По ручищам бы тебе надавать...

И пришлось ей учиться снимать с молока сливки, сквашивать в сметану, заваривать творог, и даже сыр готовить. Потому что хозяйка его покойная

такой сыр варила. И любил он не столько сам сыр, сколько воспоминания о нем. Лия и варила. И угощала соседа потом. Поила чаем. Намазывала на ломоть белого хлеба щедрый слой масла и укладывала сверху толстенный кусок сыра.

Больше ничего он за свое молоко брать не желал. Денег не брал. Помощи не просил. Подарков не принимал. А вот чайком побаловаться, да с сырком, красотища же! Либо сырников из своего же творога, да со своей же сметанкой. Чем не угощение?!

— Чего яблоки-то пропадают, Лийка? — Филипп Иванович полез в карман широких штанов за махоркой. — Людям бы отдала.

— Пусть берут. — Она неуверенно улыбнулась, мысль предлагать кому-то яблоки как-то не приходила ей в голову. — Мне не жалко.

— Дык не каждый через забор полезет, голова! — воскликнул Филипп Иванович с возмущением.

Положил на одно колено клочок бумаги, на второе кисет. Зачерпнул заскорюзлыми пальцами щепотку махры и потрусил над бумагой. Затем неспешно затянул кисет затертым шнурком. Свернул козью ножку, сунул себе в рот и лишь тогда затолкал кисет обратно в карман.

Лия молчала, не смея нарушать ритуал своими неделовыми предложениями. Да ей и предложить было, собственно, нечего. Собирать яблоки в корзины было некогда. Сегодня к вечеру она собиралась вернуться в город.

С раннего утра на ее мобильный начали поступать звонки. Сначала позвонили из банка, для чего-то понадобилось ее немедленное присутствие.

Бывший муж тоже звонил, канючил что-то о том, что измотался и устал и что ему просто необходимо с ней встретиться. Ну, здесь было все ясно.

Очередная вертихвостка оставила его с носом и изрядно опустевшим кошельком, и ему срочно понадобилась бывшая жена в качестве жилетки, в которую ему непременно приспичило поплакаться. Что же, примет, накормит, пожалеет, поговорит. С нее не убудет. К тому же это, в конце концов, ее долг. Она его оставила, устав от семейного быта, а не он ее.

А потом вдруг позвонила давняя приятельница, с которой не виделись лет пять, если не больше. Позвонила и пригласила к себе на юбилей. Отказать Лия постеснялась, та так просила...

— Собрать, что ли, яблоки-то? — спросил Филипп Иванович, пыхнув сизым дымом в ее сторону. — Вижу в город наострычилась. Дела, что ли?

Она кивнула с улыбкой. Достала из старого буфета чистую трехлитровую банку и начала цедить оставшееся в подойнике молоко. Кому он его снесет, Лия не знала. Просто делала так всегда. Он никогда, правда, об этом ее не просил, но всегда бывал признателен, что она все процедит, банку потом помоеет, марлю простирнет. И подойник ему ополоснет. Ему-то когда? Да уж и умотался он за столько годов, это же бабье дело с банками и ведрами лагастаться...

— Сам, поди, позвонил, так? — Филипп Иванович спрятал хитрющие глаза в глубоких морщинах. — Знаю, можешь не говорить ничего. Позвонил. Опять какая-нибудь шалашовка его вокруг пальца обвела? Вот мужики пошли, а! Дурь же одна в мозгах-то! Хватают, что ни попадя, и давай перья распускать. И ведь понимают, что, кроме денег, ничего от них никому не нужно, а все одно... Дурачье — одно слово... Днем-то справишься?

В последнем вопросе зазвучала явная тревога, и Лия снова спрятала улыбку.

Волнуется, что она надолго зависнет в своей го-

родской квартире. Он ведь тоже любит ее. Любит и переживает, и скучает еще. И чаем ее с валериановым корнем поил, когда она здесь раны свои зализывала после увольнения. Покрикивал, а жалел. Помужски, грубовато, но жалел.

Лия вздохнула. Она тоже не любила уезжать отсюда надолго. Трудно было сказать, где она проводит больше времени: здесь или в городе. Чуть задержится, а душа уже болит. Как он там, один?

Филипп Иванович стал почти родным. Хотя почему почти? Он еще с ее бабкой и дедом соседствовал, что воспитывали ее и поднимали. И жизнь ее знал, как свою, и болячки ее все, даже детские, помнил наперечет. И замуж помогал ее отдавать. А когда развелась, снова ее жалел. Поругал сначала для порядка, а потом пожалел.

— Я не знаю, Филипп Иванович, — проямлила она виновато. — Муж явиться обещал.

— Ну! Я же и говорю! Это завтра, а чего же еще-то? — Он беспокойно заерзал на табуретке, та тут же отозвалась визгливым старческим скрипом.

— Давняя приятельница пригласила на день рождения. Даже не знаю, идти или нет. Вроде пообещала, а не хочется. — Лия пожалала плечами, отошла к двухконфорочной плите, чиркнула спичкой, зажигая газ, и поставила чайник.

— Сходи! Сходи непременно, Лийка! Глядишь, и подхватишь там себе кого-нибудь. Это надо же — в тридцать неполных лет в монашках сидеть.

Он точно обрадовался. Она могла поклясться, что обрадовался. Идея выдать ее замуж и умереть преследовала его последние несколько лет. Она его уговаривала не забивать себе голову еще и такими проблемами и жить независимо ни от чего, он не слушал.

— Вот выдам тебя замуж за хорошего человечка и помру тогда, — мечтал Филипп Иванович, без устали пыхая махоркой. — Дом на тебя подпишу, Лийка. Потому как нету у меня, кроме тебя, никого, девка. Только ты... А жить я устал, Лийка. Очень устал. Измотался я. Да и по бабе своей соскучился. Небось ждет меня там, злится, что задерживаюсь. А как я уйду?! Ну, как?! Душа-то за тебя болит! Ты же одна, как перст. Обидеть любой сможет... без меня...

В такие моменты Лию отчаянно душили слезы. И броситься хотелось ему на впалую старческую грудь, и разрыдаться от счастья горького, как польнь. Не одна она! Не одна, но надолго ли?!

— А может, я не пойду, а, Филипп Иванович? — Она с надеждой уставилась на старика, пытаюсь рассмотреть выражение его лица в дымовой завесе. — Чего мне там? Люди все чужие. Мы и с приятельницей уже давно не виделись. Чего я пойду к ней?

— Нет, не открутишься. — Он погрозил ей из своего угла гнутым артритным пальцем. — Ступай, и не раздумывай. Удумала чего! Не пойдет она! Станешь до сорока лет меня возля этих яблоков караулить? Так не укараулишь, Лийка. Пойду о порог споткнуся и сдохну. Так вот, девонька... А ты одна останешься. Нет, нет, ты все же сходи.

— Ладно, схожу. Обещаю! — Лия приложила руку к сердцу и склонила покорно голову. — Не вру. Точно схожу. Чего нового по деревне болтают, Филипп Иванович?

— Хм-м, по деревне-то... Всякого болтают... Банда какая-то объявилась, во! — Филипп Иванович сильно затынул, тут же подавился дымом и закашлялся.

Кашлял долго и натужно, жмуря глаза и отча-

янно мотая головой. Лия через секунду стояла наготове рядом с ним с кружкой ледяной воды в руках. Соседу ничего больше не помогало, только вода ледяная. Напьется, и кашель сам собой затухает.

Все повторилось, как всегда. Кружка родниковой воды сделала свое дело. Филипп Иванович прокашлялся, затих и сидел какое-то время зажмурившись. Потом пару раз коротко пробно вдохнул, выдохнул и проговорил:

— Ты на ночь-то теперь запирайся, Лийка.

— А что так? — Она выплеснула воду в цветочный горшок, вымыла и убрала кружку в буфет. — Хулиганят?

— Как бы так! Бабы возле родника сегодня поутру болтали, будто бы банда какая-то объявилась в округе.

— И чем промышляет эта банда? — Лия не хотела, да улыбнулась, бабы у родника болтали каждый день и болтали много чего. — Горшки с плетней воруют?

Деревня была мирной, поэтому она сюда и любила приезжать. Мало кто на ночь запирает двери. Лия так никогда. Филиппа Ивановича пару раз прихватывал сердечный приступ такой силы, что он только что и смог перевалиться через ее порог и упасть тут же. А уж чтобы достучаться до нее ночью, и разговора нечего было вести. Так и умер бы перед ее запертой дверью. А теперь вдруг запирается! С чего бы это?!

— Никакие ни горшки они воруют! Смешки все тебе! — проворчал он и вдруг ухватился рукой за левый бок. — Что-то печет и печет с утра.

— Ну вот! — Лия сразу расстроилась. — А говорите, на день рождения мне идти! Как же я вас одного оставляю?!

— Ничего, не сдохну, не боись! — Он прикрикнул, но, правда, без былой уверенности. — Справлюсь. Микстуру твою вонючую выпью, ежели что... А банда-то уже двоих убила, во как. А ты горшки! Тут дело не в горшках, Лийка. Тут кое-что похуже.

— Как убили?! Кого?! Тут же всегда так тихо было... — Она растерялась и, чтобы скрыть это, принялась хлопотать у стола. — Дети гуляли одни. Двери никто не запирали. Вещи сушили на веревках. Коровы гуляют, будто кошки беспризорные, никто не зарится. И вдруг убийство!.. Кого убили, Филипп Иванович? Где?

Оказалось, что все это злодейство произошло в соседних деревнях. Убиты две пенсионерки преклонного возраста, причем с особой жестокостью. Женщин долго пытали. Их старые пожитки потом выбросили на улицу и сожгли, поэтому установить, было ли совершено преступление с целью ограбления, оказалось практически невозможным. Оба случая были схожи по почерку, поэтому милиция небезосновательно предполагала, что совершены они одним и тем же человеком или группой лиц.

Но это для милицейского протокола преступники являлись группой лиц, для баб же у деревенского родника они мгновенно заделались бандой. Страшной, беспощадной, истребляющей пожилых женщин бандой.

Было от чего испугаться и задуматься.

Лия слушала рассказ соседа внимательно, время от времени задавая вопросы. Филипп Иванович разъяснял охотно. Пускай и считал ее неudelьной в плане личной жизни и недомовитой в вопросах ведения хозяйства, но уж в милицейских сыскных вопросах, по его словам, равных Лии не было. Могла

враз преступника вычислить, хоть и валандалась долгие годы с одними лишь пацанами.

— Никого я вычислять не собираюсь! — тут же воскликнула она. — Давайте лучше чай пить. И забудем обо всем. В конце концов, произошло это почти в сорока километрах отсюда. А вторая деревня, так и еще дальше. Сюда, возможно, никто и не сунется. Идите к столу...

Филипп Иванович протрусил к столу с табуреткой наперевес. Сел, пододвинул к себе поближе свою любимую поллитровую кружку с чаем и тут же потянулся к бутербродам с домашним сыром. А Лия еще и ватрушек с утра успела напечь в электрической старенькой духовке.

Это тоже часть ее личного, с чем ни за что и никогда она не собиралась расставаться. Была еще русская печка вполдома, щипцы для колки сахара, старый самовар, который они с соседом летними вечерами растапливали еловыми шишками, и огромная панцирная койка с блестящими шишечками. На койке, под хрустящей накрахмаленной простыней вытянулась толстенная цыганская перина. До самого пола свисал кружевной подзор, а на вышитом бабушкой шелковом покрывале дыбилась гора здоровенных подушек. Таких здоровенных, что Лие приходилось самой мастерить наволочки на них. В продаже таких не было.

— Может, оно и так, — вдруг нарушил тишину Филипп Иванович. — Может, и не доберутся они до нас-то! Полста верст, это не два метра. Тока я почему с тобой весь этот разговор веду, Лийка... Это вроде как по твоей прежней части дело-то... Бают, буд-то бы детвора там была.

— Какая детвора?! — Она непонимающе вытаращилась на соседа, забыв дожевать кусок ватруш-

ки, так и застыла с оттопыренной щекой. — Где же, где была?!

— Убивцы, бают, дети, во как! — Сосед долил себе из чайника кипятку, кинул в чашку пару кусков сахара, плеснул заварки и, громко колошматя ложкой о фарфоровые стенки, принялся размешивать.

— Как дети?? Чьи??

Это был самый резонный вопрос за последние минуты. Раз дети, значит, чьи-то. А чьими они могут быть? Может, как раз тех самых пенсионерок? Охотники до наследства или что-то в этом роде. А раз старушки зажились, почему бы им не помочь, но... Но как же так можно?!

— Кто же их знает, чьи они? — Сосед поднял на нее от края кружки суровый осуждающий взгляд. — Знали бы, давно поймали. Банда, говорю, из детей одних. Во такого роста, глянь!

Лия проследила за его ладонью, поднявшейся над полом на метр двадцать, никак не больше. И едва не подавилась все тем же куском ватрушки, что пыталась, не разжевав, проглотить.

— Дети?! Убийцы?! Вы ничего не путаете? — Она отхлебнула остывшего чая, прочистила горло, пару раз кашлянув, и снова спросила: — Вы точно ничего не перепутали? Дети-подростки совершили злостное убийство, сожгли имущество и...

— Два! — Филипп Иванович поднял кверху средний и указательный пальцы правой руки. — Два убийства, Лийка! И дважды пожгли бабье тряпье и что-то из мебели.

— Ох, дела твои тяжкие, господи!

Лия перекрестилась. Бабушка все время учила ее креститься, к вере в бога приобщала, добру учила.

— В этой вере, — говорила она, — нет ничего

дурного. Кроме хорошего, она ничему больше и не учит. Не убей... Не укради... Разве плохо этому следовать?..

Лия верила и не верила, но когда приспичит, крестилась. Сейчас был как раз тот самый случай — приспичило.

Чтобы дети такого возраста и совершили убийство?! За свою практику она повидала многое, но такого — никогда. Воровали, дрались, пили, кололись, бывало, что и калечили, но чтобы убить, пытаться... Нет, с таким она не сталкивалась точно.

— Филипп Иванович, ну вот как я вас тут одного оставлю?! — воскликнула она с чувством, положила свою руку на рукав его старенького в заплатках пиджака. — Видите, что творится!

— Потому и говорю уезжай, дурья голова! — Сосед осерчал и ладошку ее стряхнул со своего рукава. — Мужиков-то не трогают, просекаешь? Бабы одни страдают! А ты одна ночью, да дверь не запираешь. Поезжай ты, Лийка, от греха подальше. А я тут управлюсь и один. А будешь приставать, в Дом уйду, так и знай!..

Его угроза уйти в Дом престарелых была самой страшной угрозой. Он прибегал к ней не часто, но, прибегая, казался на редкость убедительным. И она ведь верила ему и страшилась того, что он может свою угрозу когда-нибудь осуществить.

А что ему могло помешать, собственно? Их давнее и дружное соседство? Так это не повод. Она же не всегда тут живет. А зимой так и вообще не часто. Теплые и доверительные отношения? Так и там их можно поддерживать.

Это Филипп Иванович ей так всегда аргументировал свое решение уехать из деревни.

А Лия всегда злилась: как он не понимает, что

она уже без него не проживет. Без его неуклюжей мужицкой заботы. Без его брани и махорки. Без его добрых сочувственных глаз и хитрой улыбки, которую он умудрялся прятать так, что ни в жизнь не догадаешься: улыбается он или морщится от боли.

— Значит, вы хотите, чтобы я уехала в город? Так я поняла? — Она нарочно сделала вид, что обиделась. — И не возвращалась подольше? Так?

— Ты губы-то, Лийка, не дуй. — Все ее ужимки он видел насквозь. — Сиди там и не прыгай, пока я тебе команды не дам. Сиди на попе ровно, поняла?

— Поняла, — буркнула она недовольно. — И сколько мне там сидеть? Год, два, три? Я там зачакну в своей квартире. Да еще эти соседи...

Историю про ее соседей Филипп Иванович знал назубок. И посмеивался над ее возмущением. Прожила бы, говорил всегда, ты со своим мужем не один десяток лет бок о бок, не такого бы наговорили друг другу. Но Лия ему не верила и каждый раз, возвращаясь с городской квартиры на свою дачу, рассказывала ему все новые и новые истории про супругов Кариковых.

— Соседи тебя волновать ну никак не должны, — проворчал Филипп Иванович и снова вдруг полез в карман за кисетом. — Будешь спорить со мной, щас снова закурю.

Лия спорить не стала. Первая его самокрутка закончилась долгим судорожным кашлем. Никто не знает, чем может закончиться вторая. Лучше уж она перетерпит и смолчит. А вернется сразу же, как отпразднует день рождения давней приятельницы.

— И не вздумай приехать раньше времени, коза, — погрозил ей пальцем Филипп Иванович, ошибочно разгадав ее хитрую молчанку. — Телефон у меня есть, так что звони.

Мобильный она подарила ему в прошлом году к юбилею. Он долго отбрыкивался и ругался, но подарок взял, потому как Лия пригрозила, что расплачется. Ее слез он не терпел, и стоило ей расплакаться, тут же терялся и становился похожим на большого неуклюжего ребенка. Трусил за ней по хате с кружкой воды, платком носовым или грелкой, и все приговаривал и приговаривал что-нибудь нескладное и доброе.

Телефон-то он взял, но пока что еще не ответил ей ни разу. Сколько она ни билась, трубку в руки Филипп Иванович не брал.

— Дык, раздавлю я эту игрушку блестящую, — объяснялся он потом ей с самым виноватым видом. — Покрупнее-то нету? Уж больно хрупкая..

Но Лия небезосновательно полагала, что отмалчивался Филипп Иванович намеренно. Чтобы она, значит, быстрее возвращалась. Чего можно по телефону решить, да еще когда тот словно сумасшедший секунды отсчитывает да деньги крутит? А так, за столом, да под самовар..

Надо же, а сейчас сам ее отправляет, и даже про телефон вспомнил. Наверное, действительно дела серьезные творятся в районе. Надо будет позвонить бывшим коллегам и подрасспросить что и как. По старой дружбе не откажут в услуге, просветят.

Оставшееся перед отъездом время Лия перетаскивала из своего дома к соседу приготовленную для него еду. Знала, что едет на пару дней, потому и наготовила. Щей из свежей капусты наварила кастрюлю. Картошки сделала с тушенкой. Ватрушки, что остались от утреннего чаепития, сложила в эмалированную миску. Расставила все по полкам в крохотный его холодильник. Ватрушки на столе оставила, накрыв чистым полотенцем. Выслушала его пят-

надцатиминутное ворчание на тему: куда ему одному столько, и за неделю не съесть, и пропадет только. И через полчаса уехала.

ГЛАВА 2

Дом, в котором ей в качестве отступных купил квартиру ее бывший муж, располагался в самом центре города и относился к так называемым элитным новостройкам. В их доме, на самом верху даже пентхаус имелся, но кто там обитает, Лия не знала. Ей это было неинтересно.

Еще имелся подземный гараж с лифтом. Шлагбаум перед въездом во двор, ухоженная растительность и разбитная консьержка. Но это, правда, только в их подъезде. Как дело обстояло в двух других, она не знала. Хотя и интересовалась неоднократно, всем ли так повезло, как им, или нет.

Этой молодой дамочке с внешностью увядающей оперной певицы — в наличии имелись пышный бюст, выдающееся лицо с крупными надбровными дугами и глубокий сильный голос — ничего не стоило, к примеру, начать интересоваться у нее подробностями их с Мишаней развода. Мишаня был бывшим мужем Лии. Или начать стрелять у нее денег до получки. О сигаретах разговор был особый, их Лия таскала в сумочке исключительно для нее. Сама курила редко, только в моменты глубокого душевного дискомфорта. Правда, после общения с консьержкой Надин ее частенько на это тянуло. Сдерживалась...

Консьержка по имени Надин, это она так всем представлялась, встретила ее сегодня на редкость умиротворенной и не особо разговорчивой. Обош-